

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СУБСТАНЦИЯ

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: liamp@bsu.by

Деньги оторвались от всякой онтологической основы, в них нет подлинного бытия, они ведут фиктивное, призрачное существование
Бердяев Н.А. (1990). Философия неравенства. М. 241

Мы стали пленниками собственной риторики, сложенного нами мифа о деньгах

Хэнди Ч.Б. В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М. 1999. 168.

Люди создали деньги, но не они владеют деньгами, а деньги людьми. Но все-таки время — не деньги, а жизнь, ибо деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит ...

В статье рассмотрена историко-теоретическая ретроспектива категории денег. Проведен анализ сосуществования, противоречий и антагонизма денег мир-экономики и мира денег. Выявлена сущность институциональной ценности как субстанции современной социально-экономической системы.

Ключевые слова: институты; деньги; мировой кризис; монополии; монетарные институты; транзакционные издержки; глобальная рента; собственность; экономическое мышление; банки; совокупные издержки; институциональная ценность.

In the article the historical and theoretical retrospective review of the money category is examined. The analysis of coexistence, conflict and antagonism of money of the world-economy and the world of money is carried out. The essence of the institutional value as the substance of the current social-economic system is revealed.

Keywords: institutions; money; global crisis; monopoly; monetary institutions; transaction costs; the global rent; the property; economic thinking; banks; total costs; institutional value.

Коды классификатора JEL: B52, E44, G01, G21, G32, L12.

Постановка проблемы. Все-таки хозяйственная практика должна еще острее проявить свои противоречия, чтобы экономисты, наконец, осознали ограниченность своих представлений о существующей мир-системе и попытались более беспристрастно и даже бескорыстно понять ее законы движения. Очередной (!) и к тому же опять неожиданный (!?) финансово-экономический кризис 2008 г. пробудил именно политико-экономическую мысль и даже явные монетаристы (т.е. «работающие» на

деньги) или ученые от денег сделали усилие, чтобы разобраться с этим загадочным, но крайне выгодным для кого-то (!?) явлением. Однако, невзирая на многочисленные публикации, можно сказать, что все-таки внутренняя природа кризиса пока остается за пределами действительного понимания. Причина проста — доминирующим научным течениям экономической и даже гуманитарной мысли все-таки не ставится такая задача — раскрыть сущность и начала кризиса. Это, во-первых. Во-вторых, как нам представляется, нельзя раскрыть природу кризиса без его первоосновы — мира денег. Ведь сфера денег и денежных отношений получила сильнейшее распространение и развитие, проникнув в настоящее время даже в те области деятельности людей, которые лишь косвенно соприкасаются с этим феноменальным материалом. Поэтому любой человек, а тем более экономист-теоретик, так или иначе, в явной или неявной формах определяет свое отношение к деньгам. Иначе говоря, даже не экономическое, а все хозяйственные отношения, человеческое сознание буквально пронизаны денежно-финансовой идеологией.

Нынешний очередной финансовый кризис обострил данную проблему до уровня массового обращения ...к психоаналитикам и экстрасенсам, потому что *доминирующие теории никак не ориентируют на рациональное освещение* как природы кризиса, так и его субстанции — *денег*. К сожалению, в лучшем случае считающие себя экономистами «советники» банально призывают или держать свои вклады в разных банках и в разных валютах, или же массово не делать «резких движений», чтобы обналечить вклады. Экономистам разных школ и особенно тех, которые относят себя к представителям функционально-позитивистского направления, давно пора задуматься, а в чем причины и какова природа экономического кризиса? Почему все-таки почти ни один кризис не был предсказан? Почему некоему мифическому кризису приписывают то, что следует поставить в вину отдельным людям, группам или даже классам. В конце концов, почему нарушаются элементарные права и личности, и собственности, когда в неизвестном направлении «исчезают» накопленные людьми за их иногда всю прожитую жизнь накопления? Ведь очевидно острое противоречие: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими — произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические, законы Хозяйства. А в результате, как пишет нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» (Кругман 2004, 55).

Историко-теоретическая ретроспектива категории денег. Чтобы ни говорили, стержнем рыночно-капиталистической системы хозяйства¹ выступает *стоимость*, прошедшая в своем естественном развитии от простого товарообмена (бартера в современном понимании) до денег со всеми функциями и их различными видами. Стоимость это, прежде всего, тот *общественный норматив*, который фиксирует не только общественно-необходимые затраты труда, но и уровень технико-технологического развития, норму социальных отношений. Речь идет о целостном и всеобъемлющем

¹ Мы придерживаемся той точки зрения, которая высказывается как зарубежными, так и отечественными авторами, что понятие «капиталистическое хозяйство» значительно шире понятия «рынок», поскольку отражает многие другие институционально-исторические признаки развития экономической цивилизации, а не только общие принципы устройства и функционирования экономики.

отражении теорией реальности всей полноты *хозяйственного бытия*, что в рамках возможных научных достижений удавалось выполнить пока только классической политэкономии. Как Маркс подчеркивал необходимость логического построения единой теории капитала из категории *стоимость товара*, так и антимаркс Бем-Баверк обращает внимание на такую же эволюционно-системную идею развития теории, но уже из категории *ценность*. В последующем научная специализация обеспечила «дефект знания» подобно дефекту массы в физике. Смысл последнего заключается в том, что из фрагментарных сведений, получаемых частными теориями, и теории денег здесь не являются исключением, никак невозможно воссоздать полной современной общей политико-экономической картины мира, ее структуры, тенденций, источников и форм развития. Последние лет тридцать показывает, что реально получается, если реализовывать мировоззренческую философию монетарной теории. Ведь, опуская проблемы социально-политического характера в современном мире, можно отметить, что даже реальный мировой ВВП начал иметь устойчивую тенденцию к стагнации. Положительная же динамика его номинальных показателей объясняется быстро растущими трансакционными издержками² кредитно-банковской системы, которые по существу не являются доходами. То же можно сказать об услугах института государства и права по защите отношений собственности и постоянно нарушающихся свобод граждан, расходы по которым стремительно выросли.

Возникновение денег дало старт экономической цивилизации, основанной на разделении труда, кооперации и феномене капитала в целом и банковского в том числе³. Однако институт денег наряду с тем, что он внес, безусловно, массу положительного в общественно-экономическое развитие, еще создал *предпосылку* для кризисов, разорвав акт товарооборота в пространстве и во времени. *Банковский же капитал* на этой стадии носит пока подчиненный характер, а адекватной сферой развития капитала как явления выступило промышленное производство в его такой функциональной как *производительный капитал*, где в полной мере могла проявить себя частная собственность и конкуренция. Но именно последняя своим противоречивым действием порождает возникновение *монополии* (корпорации), подорвавшей не только конкуренцию, но и пронизавшей всю структуру отношений рыночного хозяйства. И пока традиционные экономисты (неоклассики) изощрялись своими моделями в борьбе против якобы «иной» для рынка монополии, Э. Чемберлин, Дж. Робинсон и др. обосновывают имманентность монополии и, следовательно, *монопольной цены* для индустриально-капиталистической цивилизации. Несколько позже А. Хабергер доказывает, что потери от монополии для экономики США за определенный период составляют лишь 0,5–2% от ВНП, чем приводят в шок все научное сообщество (*Шерер и Росс 1997, 656*). *Выгоды* же от монополистических структур здесь не принимались в расчет. К сожалению, неоклассическая теория, обремененная своими догмами, не замечает, что монополия своим началом и эволюцией не только существенно повлияла на рынок, но стала основной институционально-хозяйствующей единицей современной экономики. Когда говорят о малом бизнесе и его значении, часто упускается этот исторический факт влияния на малый и средний бизнес, которые эффективно могут функционировать лишь в рамках этого спроса и предложения, задаваемых

² Трансакционные издержки — это издержки в целом по поддержанию и функционированию всей рыночной системы, обусловленные всей процедурой принятия и реализации управленческих решений, необходимостью защиты прав собственности и свобод личности, любыми обменными операциями.

³ Более подробно о феномене денег и капитала, которые обусловили общественно-экономический прогресс и одновременно создали ограничения и противоречия его динамики, можно познакомиться в: «Современная политическая экономия». Минск: БГУ. 2005, очерки 1, 2, 22.

монополиями. Конечно, даже в современной экономике очень успешно работают фирмы *мелкотоварного уклада*, имеющего непосредственную связь с потребителем.

Финансовый капитал уже отражает совсем иную стадию развития рыночного хозяйства, поскольку в утилитаристскую модель поведения хозяйствующего субъекта встраивается *спекулятивная компонента*, изменяющая критерии и сам механизм регуляции социально-экономических отношений. Финансовый капитал можно сравнить с *третьей производной (!)* (деньги — первая, банковский капитал — вторая) от того первоначального понятия «экономика», которое вкладывали в него Аристотель и классики.

В последующем «узкие» специалисты по деньгам, стремясь получить гносеологические преимущества за счет сужения своей аналитической сферы деятельности, наталкиваются на парадокс, который можно назвать *«парадоксом специализированной пустоты»*. К нему пришла неоклассическая школа, принявшая на вооружение методологию позитивизма и функционального анализа. А именно ее идеи и инструменты породили современную неустойчивую банковско-финансовую систему, которые в последующем были приняты на вооружение постсоциалистическими государствами в формировании у себя соответствующих систем. По сути, произошел первый институциональный импорт, внедрение стандартов которого в молодые реформирующиеся страны строго контролировалось соответствующими организациями. В результате почти во всех учебных пособиях по экономической теории (экономикс) и выстроенных на базе их постулатов книгах по деньгам последние получают определения, не несущие никакой смысловой нагрузки. Например, при всех отличиях, которые существуют в многочисленных книгах по экономической теории, принятых на вооружение вузами, специалистами банков и пр., деньгами предлагают считать то, что *признают люди* в качестве платежного средства (*Мэнкью 1999, 587*). «Деньги, — пишет П. Самуэльсон, — это искусственная социальная условность» (*Самуэльсон 1964, 64*). Мы не будем формулировать многочисленные вопросы после прочтения данных и других подобного рода определений, но зафиксируем наше наблюдение, касающееся имеющихся теоретических подходов к деньгам. Оно в некотором роде по-своему отражает количественную теорию денег, поскольку, чем большим количеством денег распоряжается одно лицо или их группа, тем настоятельнее диктуется расширение и углубление аналитического подхода к ним с привлечением далеко не экономических и тем более «никак не денежных» инструментов, факторов и условий человеческой деятельности. Ф. Бродель подчеркивает: «Денежная техника, как и все виды техники, отвечает, следовательно, на потребности, длительно, упорно и ясно выражаемые. Чем более страна была развита экономически, тем более расширяла она гамму своих денежных и кредитных инструментов. ...В международном денежном единстве общества имели каждое свое место: одни — привилегированное, другие тащились в хвосте, а третьи терпели кару. Деньги — единство мира, но они и мировая несправедливость. ...Деньги стекаются на службу к владеющим технологией их обращения» (подч. — П.Л.) (*Бродель 1986, 508*).

Принципиальная ошибка зарубежных и отечественных макроэкономистов состоит в том, что они подходят к деньгам лишь как известным из трактовки популярных учебников денежным агрегатам (*агрегат* — общий, совокупный), которые используют в своих расчетах. Но все расчеты и выводы по монетарной политике, в том числе имеют смысл лишь тогда, когда исследователь правильно определяет *сущностную природу* денег, а не неизвестно по каким правилам и принципам выполненные обобщения (агрегации). Можно обратить внимание на название известной работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», в которой он *преодолевает* бытовавшую на тот период *классическую дихотомию о нейтральности денег*. В общественно-

экономическом сознании утверждается мнение, во-первых, о том, что деньги имеют значение (!), а, во-вторых, фиксируются новые виды денег: для расчетов, деньги для накоплений и деньги для *спекуляций*. Таким образом, «новые» виды денег приобретают и новые функции, которые принципиально меняют в обществе нормы отношений, мотивацию поведения и установки в деятельности стратегий политико-экономических агентов.

Таким образом, наша идея состоит в том, чтобы, во-первых, вернуть «экономическую теорию»⁴ в русло действительной науки о *человеке*, его мотивации, поведении, производственных отношениях и связях, институтах, влияющих на выбор индивида и фирмы. Во-вторых, зафиксировать то место денег, которое они реально заслуживают в рамках предмета науки об экономике с ее законами-тенденциями XXI в. В-третьих, отразить в феномене денег свойства, с которых начинается, например, не просто инфляция, а другие негативные социально-экономические последствия, равно как и выделить адекватные действенные инструменты, их регулирующие и устраняющие. Речь идет о *доминирующих* характеристиках, которые в определенный исторический период времени придают или избирательно наделяют какие-то элементы человеческой деятельности *денежными свойствами, признаками, функциями*. Деньги не потому деньги, что являются таковыми по своей природе, и не банки «делают деньги», а потому, что *вся институциональная среда* придает им такие свойства, признаки и функции. В-четвертых, обратить внимание, какое воздействие или последствия (накопление, стимулы, динамику, развитие и пр.) имеет сам *механизм* трансакционных операций, *процедура сбережений, работа сберегательно-кредитных институтов*, полное и равномерное информационное обеспечение всех участников денежно-кредитных отношений и то, что в конечном итоге определяет *источник и заключительное выбытие* денег с оборота воспроизводства. Сегодня очень много говорят о *доверии* к деньгам и банковской системе в целом. Но хотелось бы заметить, что «доверие» — это не категория научной школы «мэйнстрима». Но к ней начали прибегать, ощутив, насколько хрупка и сложна эта ткань отношений между индивидом и денежным знаком, структурами и людьми его представляющими. И не «банком единым» формируется данное социально-экономическое отношение. К сожалению, как показывает богатая история финансово-денежных отношений, разрушаясь, это доверие сопровождается параллельным разрушением денежных систем, политико-экономических систем, а восстанавливается кропотливым терпением и участием всего населения и всеми структурами, включая ... религию и ее авторитет.

Деньги как институт. О том, что деньги — это институт по определению, свидетельствует *возникшая вместе с ними новая утилитарная норма поведения людей*, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в весьма феноменальных стоимостных формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой (!). «Деньги — это доверие, которое живет и умирает лишь в человеческих сердцах и умах. Денежные системы ... состоят из механизмов и символов, задача которых — сохранить это доверие. Цивилизации были построены на доверии; оно — основа той уверенности в своих силах, которая нужна цивилизации для развития или хотя

⁴ Мы в который раз отмечаем, что термин «экономическая теория», отражающая неопределенный (!) предмет современной экономической науки, на наш взгляд, является неудачным, поскольку нет физической, химической теории и пр. По сути, такая «наука» с таким названием существует только на постсоветском пространстве. Поэтому мы разделяем позиции тех авторов, которые для адекватного, цельного восприятия и отражения сложной современной социально-экономической действительности во всех своих детерминантах и проявлениях предлагают отталкиваться от предмета праксиологии, философии хозяйства или хотя бы политической экономии. Ведь предмет любой науки формирует аналитический «фокус», который в последующем разворачивается в целостную систему понятий.

бы выживания. Но если общество теряет доверие к деньгам, оно теряет уверенность в себе» (*Лиэтар 2007*).

Как сама история денег, так и различные концепции, теории достаточно разнообразны и богаты, чтобы указать и подчеркнуть богатство и разнообразие хозяйственного и культурного мира. И, безусловно, любая теория денег, претендующая на свою универсальность и законченность, может полатиться своей «теорией» за свою самоуверенность быть всеобщей.

Наиболее известные деньги из морских раковин назывались «зимбо». Зимбо делались из морских улиток. Во многих странах люди носили свои деньги на нитке, прикрепленной к поясу, чтобы все могли видеть, насколько они богаты. Хлопковая ткань выступала деньгами в Гвинее, Африке. Раб оценивался в 7 кусков хлопковой ткани: «мпусу» или «лубонго». Табак служил деньгами в Виржинии на протяжении почти 200 лет. Более того, табак был настолько популярен, что в Нью-Джерси, где табак не рос, на бумажных деньгах печатали изображения табачного листа. А когда в 1865 г. во французской части Канады губернатор не получил из Франции денег, чтобы заплатить своим солдатам, он изъял у солдат все игральные карты, написав на каждой карте сумму и поставил свою подпись. В России использовались в качестве денег меха, изделия из железа, меди, ткань льна и пр. Вспомним, что водку называют также универсальной валютой...

Считается, что самые первые деньги в виде монет появились в Китае и в древнем Лидийском царстве в VII в. до нашей эры. Около 500 лет до нашей эры персидский царь Дарий совершил экономическую революцию в своем государстве, введя в обращение монеты, заменив ими бартер. Бумажные деньги производили большое впечатление на путешественников, посещавших Китай в VII–VIII вв. впервые бумажные деньги в России были выпущены при Екатерине II в 1769 г. Первоначально ассигнации успешно выполняли свою роль и обладали той стоимостью, которая значилась на них. Это обеспечивалось свободным обменом ассигнаций на медные и серебряные деньги. С 1933 г. жители США, а с 1971 г. уже и иностранные обладатели долларов не могли превращать последние в золото. В начале 90-х гг. Республика Беларусь, провозглашая свою независимость, от имени Национального банка *вводит расчетные билеты* с изображением зайцев, бобров, рысей, зубров и других обитателей фауны с указанием номинала, который обязательным распоряжением правительства при расчетах увеличивался в десять раз: один пишем десять в уме. Этим, по некоторой версии, собирались бороться с инфляцией и экономить на эмиссии денег. Сейчас, правда, при обсуждении возможностей объединения валют каждая из сторон (Россия и Беларусь) уже понимают, монополия на эмиссию денег при других весьма значимых возможностях позволяет, кроме всего прочего, извлекать *валютную ренту*. И здесь возникает вопрос, а кто ее будет присваивать, ведь размер этой ренты весьма значимый...

Что касается истории теории денег, то они в той или иной мере пытались и пытаются до сих пор описать, при возможности и обобщить некоторые закономерности денежного обращения. Насколько это удастся или удалось, можно судить по «странным» и наивным объяснениям роста цен на мировых рынках на нефть или роста тех же цен на всем постсоветском пространстве, а в Москве в особенности на жилье. Итак, по сути, среди множества теорий денег можно выделить две. В первой акцентируется внимание на товарно-стоимостной природе денег, но уже без какого-то обращения в категории стоимости, поскольку это вроде бы усложняет анализ, а во втором блоке теорий денег уже заметно преувеличивается роль внешнего сознательного фактора — государства, царя или монарха. Авторы «экономикса» свободны от усложнений и пишут просто, хотя и непонятно: «Деньги — одно из величайших наших изобретений...

Деньги, которые, в сущности, являются долговыми обязательствами государства и депозитных учреждений, имеют стоимость благодаря товарам и услугам, которые приобретаются на них на рынке. Поддержание покупательной способности денег в значительной степени зависит от эффективности государственного регулирования денежного предложения» (*Макконнелл и Брю 1992, 264, 279*). Приведем еще две цитаты из классиков, чтобы подчеркнуть, кроме всего прочего, необходимость чтения их трудов в силу глубины отражения явлений. «Счетные деньги, — пишет Дж. Милль, — совершенно отличны от монетных денег, представляющих собой реальный эквивалент; они могли бы на свете не существовать, если бы на свете не существовало никакой субстанции, представляющей собой пропорциональный эквивалент для всех товаров» (*Маркс и Энгельс, 64*). А вот что пишет К. Маркс: «Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также непосредственно или через своих заместителей и в качестве средства обращения, есть деньги... Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого товара, в каком кристаллизовалось столь же рабочего времени» (*Маркс и Энгельс, 101, 140*).

На хрестоматийном уровне можно толковать о товарном или нетоварном характере денег, используя металлическую или же номиналистическую теории. Это даже будет отвечать истине. Но лишь *в некоторой степени*, поскольку срез экономических отношений современной экономики достаточно сложен, обширен и многообразен. При всей своей общности свойств, которыми обладают деньги (социально-экономическая нормативность, функциональность), ограниченная воспроизводимость, универсальная полезность (ценность), на каждом значимом историческом отрезке некоторые из них приобретают доминирующую для этого периода характеристику. Около 96–98% транзакций, приходящихся на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о *спекулятивном свойстве современных денег*. В то же время известные и еще неизвестные виды денег, агрегаты, как их называют макроэкономисты, указывают на уже имеющийся или возникающий приоритет ценностей человека, ориентирующих последнего в своих мотивах, действиях, поступках (хороших или дурных). А ценности человека очень обширны, и концентрироваться лишь на утилитарных означает просто незнание человека и его жизни.

Интересно то, что в Ветхом Завете золото упоминается 415 раз, отражая тем самым *разные склонности человека*: от благодетели и послушания до стяжательства и корыстолюбия. Иначе говоря, золото может служить и богу, и ...дьяволу. Как отмечают *антропологи*: «Нет денег без трансцендентного порядка, который представляет им качество материализации тотальности» (*Аглиета и Орлеан 2006, 106*). Однако хотя деньги и в США, и в Европе «имеют значение», все же принципиальное отличие первой американской модели заключается в том, что деньги являются целью жизни американцев, в то время как для европейцев деньги выступают всего лишь средством более значимой цели — жизни. И даже внешне ощущается отличие одной хозяйственной цивилизации от другой. Кстати сказать, для белорусов деньги в структуре приоритетов находятся во втором десятке ценностей. Из этого вытекает, что увеличение или уменьшение денежной массы, а также банковский процент ограничения, в том, чтобы «цеплять» экономические интересы населения, а, следовательно, и обеспечивать экономическое стимулирование. Собственно, у Кейнса эта взаимосвязь нашла отражение в понятии «ликвидной ловушки». «Процентная ловушка» наблюдается и в белорусской экономической политике, поскольку чрезвычайно высокий банковский процент по кредиту «отсекает» действительных предпринимателей и активизирует спекулятивные ожидания, расширяя поле риска по «плохим» кредитам. К тому же высокие депозитные ставки формируют спекулятивное экономическое мышле-

ние у граждан и фирм. Кроме этого повышение процентов по депозитам, скажем мягко, очень незначительно влияет на формирование ссудного фонда страны. Почему? Да потому, что информация по другим институциональным условиям и факторам для населения является более действенной на экономическое поведение, нежели информация о высокой депозитной ставке. Собственно, речь идет о *доверии к монетарным институтам и его политике*. А доверие это слишком сложная норма, чтобы пытаться пробовать ее изменить лишь одним количественным показателем, которым является банковский процент.

Банковско-финансовые институты (формальные) не только обеспечивают своими схемами и механизмами реализацию имеющихся склонностей (неформальных институтов), а и создают их, буквально вовлекая индивида огромными чужими активами (!) в спекулятивные сделки и обрекая на проигрыш по совокупности. Парадоксально то, что так возникла «экономика», названная «денежной» с серьезными попытками обеспечить ей теоретическое сопровождение. В этой части подчеркнем, что «теория» здесь необходима лишь для того, чтобы через *сформированный «научный» образ мышления* побудить человека действовать по «теоретической» схеме, но которой уже подготовлена новая, обеспечивающая крупные выигрыши начавшим «финансовую игру». Ведь без *массового игрока на финансовом рынке*, правила которого задаются не только и не столько правовыми рамками, а именно и прежде всего «финансовой теорией», массово пропагандируемой среди будущих участников «казино-экономики», функционирование этих «рынков» не имеет смысла. В последующем воплощенная эта теория, ставшая доступной, может служить лишь гимнастикой ума, чтобы создать «свою» схему, предложив ее крупнейшим держателям денежных активов. Еще один парадокс, с которым смирились как с неизбежным, это использование в финансовых проделках «чужой» собственности по сути общественной для перераспределения богатства в частные руки, частное владение. Областью экономической деятельности кроме труда и других ее атрибутов выступила страсть игрока, имеющего мотивацию быстрой наживы без создания какой-то потребительской услуги, блага для других людей. А ведь именно данная *норма сложного утилитаризма*⁵ лежала в основе тех рыночных постулатов, которые были изложены А. Смитом и были приняты обществом в качестве основополагающих. Этот в некотором смысле упрощенный образ мышления, а именно эта является главной характеристикой института, отражал технический уровень и интересы существующих на тот период классов и социальных групп. Можно вспомнить в связи с этим учение Смита о производительном и непроизводительном труде как центральной проблеме трудовой теории стоимости, обосновывающей критерий распределения доходов в обществе. Если же принять во внимание размер транзакционных операций на финансовых рынках, многократно опережающих сделки на товарных рынках и рынках услуг, то вывод о сформированной *антиэкономике* с ее огромным «пузырем» фиктивного капитала⁶ напрашивается сам собою. Вот эту

⁵ Сложный утилитаризм от простого отличается оправданием реализации эгоистического экономического интереса — присвоение максимизации полезности, дохода — за счет производства соответствующего блага или услуги, удовлетворяющих потребности других людей при ценах равновесия, справедливых ценах. Простой утилитаризм можно наблюдать в отношениях «ты — мне, я — тебе» или в стремлении «подняться» за любой счет — за счет обмана, обвеса, качества, элементарной спекуляции (!) и пр.

⁶ Обращаем внимание — «капитал фиктивный», фикция (лат. fictio — выдумка, вымысел), но прибыль приносящий реальную. За счет кого, чью же добавленную стоимость присваивает фиктивный капитал?.. Интересен факт, который пока не получил политико-экономической оценки. Оказывается, самая высокая динамика добавленной стоимости из всех отраслей в белорусской экономике наблюдалась в банковской сфере — 147%. И это за 2009 самый кризисный год... Конечно, это можно выдавать за эффективное руководство банковской системы. Но все-таки за счет кого и чего банковский успех был обеспечен?

разницу между величиной фиктивного и реального капитала можно оценить как сформировавшуюся величину *антиэкономики* и ее носителем — *превращенными формами капитала*. Думается, тем, кто знаком с классической политэкономией данную категорию пояснять не надо.

Неизбежность инфляции, дефицитность госбюджета и универсальность нормы процента в регулировании денежного равновесия — вот три *мифа*, прочно вошедшие в теорию, сознание и практическую деятельность, нарушив устойчивость экономического, а, следовательно, и человеческого развития. А вместе с тем данные явления нуждаются в серьезном пересмотре, поскольку, являясь сильнейшими инструментами экономической политики, обеспечивают реализацию интересов держателей фиктивного капитала, а не производителей в любом их сочетании с собственниками ресурсов. Следовательно, в *современных деньгах кроме спекулятивных свойств отражается значимость и ценность энерго-ресурсов, интересы их собственников, контролеров, а также явные и неявные интересы международных институтов, формирующих нынешнюю глобальную политику* во всех ее направлениях. В денежном мире воплощены как инстинкты человека, так и его нравственно-этические мотивы, социальные и политические нормы, рамки и правила. Худшие времена в политико-экономическом плане заставляют обращаться к товарным активам (хлебу, земле, домам), золоту. Благоприятная обстановка способствует росту доверия граждан между собою, к правительству, Центробанкам, другим формальным институтам, бумажным деньгам, их производным. Виды платежных средств становятся *общепризнанными*, если они *устраняют неопределенность в принятии решения* для индивида в сопоставлении существующими официальными утверждениями и заверениями по сохранению собственности. Таким образом, *деньги* — это *институт*, в конкретно-исторический период мотивирующий и регламентирующий поведение граждан, социальных групп, власти, а также обеспечивающий в определенной форме целесообразное с точки зрения ликвидности сохранение собственности, жизненных ресурсов для достижения своих краткосрочных и долгосрочных интересов, целей. Подход к деньгам как институту меняет многие ориентиры к пониманию, как глобальных политико-экономических процессов, так и содержанию национальных политик, проблеме распределения доходов, включая распределение глобальной ренты, взаимоотношений между различными социальными слоями и классами, позволяет более или менее верно выстроить стратегию действительно устойчивого развития, при котором очевидна реальная значимость в социально-экономическом развитии банков и их слуг, служащих и пр. Снимается в определенной мере таинство товарно-денежного *фетишизма*, о котором писал не только К. Маркс, но и другие исследователи, но которого не могут преодолеть современные экономисты. «Ремесленников и кузнецов, — пишет например Ф. Хайек, — боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!» (Хайек 1992, 179). И действительно, понятие «банкира» сегодня мало кого оставляет равнодушным. И, пожалуй, отрицательных эмоций здесь значительно больше, чем положительных. Было бы полезно также подсчитать реальные *общественные эффекты*, которые принесла банковская система за последние четыре десятка лет...

МИР ДЕНЕГ И ДЕНЬГИ МИР-ЭКОНОМИКИ: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЕ, АНТАГОНИЗМ

Современная экономика, представляя собой сложную, динамичную, нелинейную и дискретную *систему*, обострившую имеющиеся противоречия до принципиальных качественных *изменений*, уже не вписывается в имеющийся теоретико-методологический и инструментальный контекст мейнстрима экономической науки с его теорией денег. Самый глубокий институциональный конфликт⁷ на практике проявляется в *цивилизационном* (А. Бузгалин, З. Бжезинский, В. Иноземцев, А. Тойнби, Ю. Яковец,) *общем* (Дж. Сорос, И. Ставински), *глобальном* (Э. Кочетов, Ю. Осипов) кризисе и выходе на постэкономическую траекторию развития со всеми вытекающими отсюда проблемами. Одна из них лежит в плоскости столкновения интересов *денежной экономики* и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с *нравственно-этическими и моральными* ценностями человека. «Превращение предпринимателя в спекулянта, — писал Кейнс, — это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» (Кейнс 1993, 100). Сегодня всего лишь около 2–4% всех транзакционных операций сопровождаются движением реальных товарных ценностей, услуг, обслуживающих реальные потребности человека. Всего лишь. Остальное же приходится на спекулятивные операции с ликвидным материалом, позволяющим с *нарастающим* риском для его *собственников* и еще *большим риском* для *общества* банковско-финансовому сектору извлекать валютную *рену*. Но, по сути, это *транзакционные издержки*, которые несут *все* собственники, а иногда и просто держатели денег и которые, следовательно, должны вычитаться из ВВП. Однако транзакционные издержки, о которых уже много говорят, не могут существовать без *транзакционных доходов*. Вот эти доходы как раз и присваиваются инициаторами различного рода финансовых операций. Кроме этого, информационно-компьютерные технологии создали *достаточные условия* для «игры» за *глобальную рену*. Повторяющиеся финансовые кризисы являются своеобразной формой, лишь *временно* разрешающей институциональные конфликты, возникающие вследствие функционирования нынешней спекулятивной стратегии финансового сектора с его денежной системой. В последней явно наметилась тенденция на увеличение доли квазиденег, депозитных денег и акций с одновременным снижением доли потребительских товаров, государственных банкнот и монет с нарицательной стоимостью. Но однозначно можно утверждать, что государство потеряло контроль над мировым денежным обращением со всеми уже очевидными вытекающими отсюда последствиями. Например, еще в 2000 г. формы денег можно представить следующей структурой: товарные деньги — 3%, металлические слитки — 3, монеты из драгоценных металлов — 0 (в 1980 г. — 1%), коммерческие векселя — 1, государственные банкноты — 10, монеты с нарицательной стоимостью — 1, депозитные деньги — 16, квазиденьги — 29 и акции — 37% (Липов 2008, 145). Действительно, сбавывает закон Грэшема, по которому «плохие деньги» заменяют «хорошие деньги». Осталось только сформулировать, кому это выгодно и кто из этого извлекает далеко не рыночные и далеко не праведные доходы, чтобы изменить существующий мировой финансово-экономический порядок.

⁷ Институциональный конфликт представляет собой определенной «силы» противоречие между различного рода институтами: формальными и неформальными, политическими и экономическими, общественными и внутрифирменными, нормами регламентации предприятия и мотивами поведения человека. Обычно его результатами могут быть принятые разного рода официальные документы.

Дело даже не в том, что виртуальная финансовая экономика и накопленный государственный долг создали условия для мирового экономического неравновесия. Парадокс ситуации в том, что *сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность финансовому капиталу*, который, являясь в структуре капитала главным (!) элементом, проводит рискованные спекулятивные операции на фондовых и валютных рынках. И если в рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, поскольку никакой общественной потребности такие «услуги» не создают, то для вольных или невольных участников финансовой игры результаты чередуются от проигрыша к выигрышу и наоборот. Как правило, создавая очередные правила игры, включая и изменения в необходимом направлении содержания экономической науки, «большие капиталы», начинают и всегда (!) выигрывают. Но ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, *всеобщего экономического хаоса и очередного мирового кризиса*. Финансовый сектор, являясь порождением производственной деятельности человека, существенным образом пытается изменить мотивы поведения людей, заложить спекулятивные основы экономических интересов. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, — пишет Дж. Кейнс, — трудно ожидать хороших результатов» (Кейнс 1978, 224). Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу, потому что каждый предполагает о наличии у другого какого-то особого приема обмана, особой манипуляции. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся *производством (!?)* транзакционных издержек посредством финансовых операций и извлечением по существу *общественной ренты в виде транзакционных доходов*. Парадокс для демократической системы, которая как бы (?) поддерживает институт частной собственности: держатели заработанных ликвидных ресурсов должны еще страховать свои ресурсы и снова платить за это..., чтобы снизить риск потерь. Чаще всего, кстати, осознанных потерь. Ведь банки распоряжаются далеко не своей собственностью, а привлеченной, чужой собственностью. Но, к сожалению, ничто не дает 100%-й гарантии и поэтому государства определили минимум (!??) возврата имеющихся сумм на счетах в банках, которые куда-то (?) «подевали» чью-то частную собственность, а, следовательно, и права человека. Самое удивительное, что с этим элементарным нарушением экономических законов уже никто и не пытается спорить. Произошло институциональное закрепление банковской дискриминации частной собственности. И во всем мире такие изменения также происходят.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях основательно обособились от стран, производящих реальные блага. В свою очередь эти последние обособились от стран, поставляющих на мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI в. сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу мировой рынок — *это монополизированный рынок без конкурентов*. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники, контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90% высокотехнологичного производства и около 80% мирового объема ВВП.

Капитал XXI в. сделал доминирующими те сферы, которые производят деньги из денег и обслуживают эти же процессы. Рентная мотивация, иначе говоря, выступает главной движущей силой движения финансово-денежного капитала, подорвавшей основы капитала как исторического феномена. Если сказать еще проще, то

современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. А для этого создал *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансового капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия.

Раскрытие же некоторых *тайн современного капитала* с учетом текущего финансового кризиса, пожалуй, уже дает ответы на вопрос, а все ли страны живут не только по своим средствам (ресурсам), но и по своему вкладу в мировое богатство — реальное и дутое, финансовое. Очевидным становится то, что созданная система международных институтов позволяет извлекать, *искусно перераспределяя, глобальную ренту*, на что обращали внимание такие нобелевские лауреаты, как М. Алле, Дж. Стиглиц, П. Кругман и другие. Но нельзя устойчиво и обеспеченно жить во взаимосвязанном мире, создав такие правила поведения в мире, которые позволяют реализовывать права частной собственности лишь на доходы, оставляя право неучастникам строительства глобального пространства (мир-экономики) нести не только издержки цивилизационного кризиса и финансовых кризисов как одной из форм его проявления, но и издержки по функционированию самого института рынка (!) с его идеологией и сопутствующими механизмами. Сегодня эти и другие транзакционные издержки составляют по самым разным оценкам не менее половины мирового ВВП. Это означает, что реальных благ-то в мире наполовину меньше, чем дает статистика.

Но есть другая более серьезная проблема. А какой *идеал* современного человека, чтобы к чему-то (?) стремиться, остается, пожалуй, самым фундаментальным вопросом не просто науки экономики, а науки о человеке. Американский психолог А. Маслоу так характеризует тип современного западного человека: «Каждый век, кроме нашего имел свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой — святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, — хорошо приспособленный человек — это очень бледная и сомнительная замена» (*Маслоу 1999, 388*). Средний американец, как вытекает из его оценки, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще всем соблазнам, которые создает казино-экономика.

Любая империя стремилась создать определенный механизм изъятия рентных доходов. Нынешняя *денежно-финансовая империя* устремляется за *глобальной рентой*. *Глобальная рента* — это именно тот вид сверхдохода, ради которого образуется то, что называется империей с ее имперским духом, идеологией и соответствующими инструментами изъятия данного дохода. *Речь идет о перераспределении не только прибавочного, но и необходимого продукта*, создаваемых на всей территории мировой системы, в орбиту которой втягиваются и уже втянулись в той или иной степени все государства. *Военная империя* в свое время, например, обеспечивала такое *перераспределение через прямое изъятие собственности*, контрибуции, специальные военные подряды, повинности, налоги и пр. Ныне же, чтобы реализовать свое право как потребителя, пользующегося некой расчетной карточкой, уже сам потребитель должен

нести издержки (!) за совершаемую покупку или какой-то платеж. А чтобы сохранить свой вклад в банке, которым в своих интересах тот пользуется, надо его еще застраховать (!), уплатив, конечно, немалый страховой платеж. Утвердилось даже парадоксальное мнение, мысль о «нормальном» уровне инфляции, хотя даже беглый взгляд дает понять, какая сумма дохода перераспределяется в пользу эмиссионных центров и крупных денежно-финансовых структур, формирующих правила игры и сами всегда по ним выигрывающие. «Политические решения, — пишет Дж. Сорос, — принимаются в центре глобальной системы исходя из внутренних приоритетов соответствующих стран» (Сорос 2000, 84).

Мир финансов, следовательно, стал практически самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость не просто от физической экономической реальности, но от всей хозяйственной реальности. К началу XXI века на планете уже сформировалось самостоятельное номинальное поле разнообразных валютно-финансовых операций с фантом-деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой квазиэкономики с экономикой реального сектора, извините, с *системой хозяйственных отношений*. Банк международных расчетов оценил объем производных финансовых инструментов в мире на конец 1997 г. в 103 трлн дол., а на конец 1998 г. эта цифра уже выросла до 150 трлн дол., что примерно в шесть раз превышало объем мирового ВВП. Сейчас эта цифра по известным причинам скрыта. Но нобелевский лауреат М. Алле еще в 1992 г. в работе «Монетарные условия рыночной экономики» отмечал, что мировая экономика как целое опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов, которые находятся в весьма сложном равновесии... Спекуляция с валютами или спекуляция на фондовых рынках свидетельствует, что мир стал одним огромным казино с игровыми таблицами, распределяемыми по всем широтам и долготам. Генерируется перманентная потенциальная нестабильность и растущее разъединение между финансовой системой и реальной экономикой» (Чибриков 1999, 16). Стремительно растущие дефициты и государственный долг, как ни удивительно, ведущих стран (!?) создают у многих экономистов представление о том, что «государства в настоящее время живут в бюджетной тюрьме, из которой нет выхода» (Thurow 1996, 216).

Таким образом, даже не реальная, а уже виртуальная финансовая экономика (финансомика — Ю.М. Осипов), накопленный совокупный государственный долг, неравномерность в распределении доходов и издержек, оторванность абсолютного большинства стран и народов от участия в формировании *современного мирового политико-экономического порядка* создали условия для мирового экономического неравновесия. И это выгодно для финансового капитала, поскольку именно кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. *Финансово-валютные рынки нестабильны по своей природе, по своему замыслу*. А поддержание стабильности достигается своеобразной игрой и манипулированием сознанием, для чего арсенал средств сегодня детально отработан. Но экономисты по-прежнему находятся в плену своих выдуманных математических моделей равновесия. И все же базирующийся в Базеле влиятельнейший Банк в опубликованном еще летом 1997 г. отчете впервые (!) констатировал реальный характер угрозы срыва мировой финансово-банковской системы и выход ее за пределы действенного контроля и профессионального прогноза. И что это дало, и что это дает сегодня?

Глобальная игра на мировом уровне не заканчивается, если клиент проигрывает и оказывается в долгах. Ему предлагается следовать «кодексу должника», чтобы выйти из сложного кризисного положения. Для уплаты своих «карточных долгов» предлагается известный кредит stand-by (в перев. с англ — горячий сторонник, опора), выдавае-

мый уже под *гарантии всего государства*, т.е. общества, но с обязательными многочисленными требованиями следовать определенным правилам. Но самое главное то, что этот долг уже невозможно отдать, поскольку так регулируется денежная масса.

Глобальную ренту можно, таким образом, получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире. Возникли, если использовать привычную терминологию, и новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело пользуются всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняв силой в военных действиях, а *придали ему социальную ценность* и приобрели, внешне соблюдая известные рыночные правила.

Таким образом, парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, *утверждающее свою противоположность поведения — неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию.* Дополним: тоталитарную автократию денежно-финансовой сферы. Современная этика, которую в свое время преподавал А. Смит, нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколотой цивилизации» современного мира.

Парадокс для молодых стран, наметивших курс на изменение прежней, «социалистической» системы, заключается в том, что по многим *практическим и теоретическим* соображениям их финансово-денежные системы не могут *самостоятельно* участвовать в жесткой «игре» за глобальную ренту без риска не только потерять «свои» капиталы, но и усугубить сложившиеся условия по подрыву национального суверенитета своих стран. Сейчас денежный капитал почти всех переходных экономик попал в *трансформационную ловушку*. С одной стороны, деньги и их деривативы, кратно превосходящие реальное богатство, несут в себе известное противоречие *общественного норматива* регламентации *экономических и социальных ценностей* под воздействием международных финансовых институтов, требуя участия в мировой «финансовой игре». Здесь кто начинает эту «игру», тот и выигрывает. А начинает сильнейший, *провоцируя* очередной кризис, для извлечения *финансовой ренты*, защищаемой международными институтами и созданной ими информационной системой. На текущий период деривативы составляют примерно 1500 трлн долл. Это примерно в 50 раз больше мирового ВВП. Если же из последнего еще вычсть услуги отраслей *транзакционного сектора*, а это опять-таки около 60% ВВП, то превышение объемов финансового «пузыря» над реальными ценностями составит почти стократное. С другой — банки и другие финансовые учреждения стран вступают в противоречие со своими национальными *политическими интересами* и структурами. Результаты взаимоотношений могут быть самыми разными, поскольку зависят от многих переменных. Наконец, профессиональная деятельность банковской системы вошла в противостояние с тем, кто ее породил — реальным сектором экономики, человеком в целом. В результате даже ограниченные денежные ресурсы в поисках своего «роста» не могут найти кредито-

лучателя, поскольку хозяйственные интересы последнего не совпадают с *нормами* и требованиями банков. Дело в том, что требования последних имеют свой корпоративный интерес, а он в первую очередь ориентируется на извлечение финансовой ренты в виде процента. Кроме этого банковско-финансовые учреждения получают всю информацию от своих возможных ссудополучателей, раскрывающих свои экономические интересы и цели в так называемых бизнес-планах, которые в первую очередь отражают интересы банков. И никто не застрахован от утечки информации относительно стратегических планов потенциальных инвесторов конкурентам. К тому же ты беден, потому что не можешь воспользоваться для начала хозяйственной деятельности кредитом, а последний не дают тем, кто беден. Данный парадокс пока не разрешим. Эти и другие конфликты, таким образом, пока не разрешимы в рамках существующей теории денег и существующей кредитно-банковской системы. Сейчас можно «приятно наблюдать», как национальные правительства, загнанные в угол *ложной риторикой влиятельных мировых игроков*, пытаются, по сути, социалистическими, общественными мерами *поддержать капитал* в целом и денежный в частности.

Поэтому следующий наш тезис заключается в том, чтобы зафиксировать, прежде всего, явную неполноту существующих теорий такого феномена, как деньги. Перманентные финансовые дефолты и экономические кризисы, а также факт того, что ни один финансовый кризис не был предсказан, с очевидностью убеждают о наличии в этой сфере «интеллектуальных заблуждений». Поэтому речь идет о необходимости совершенно *новых подходов* не только к анализу денег, финансов и пр., но всей хозяйственной системы мира и ее составляющих. Это связано, во-первых, с реально изменившимися политико-экономическими условиями хозяйственной деятельности в мире, странах, вынужденной реакции на эти и *технологические изменения фирм, индивидов*. Во-вторых, адекватная теория денег может быть выстроена лишь в рамках общей науки о современной хозяйственной системе — *новой политической экономии*, а не наоборот, как это настойчиво делается сегодня, осуществляя крайне успешную попытку узурпировать денежными оценками и мотивацией все социально экономические отношения. Однако, к сожалению, денежные катаклизмы никак не обеспечивают большого прогресса в экономической теории и реально встал крайне серьезный вопрос о стратегии развития *всей мир-системы* и ее отдельных хозяйственных единиц в реальной хозяйственной жизни. Поэтому приведем длинную, но, как нам представляется, необходимую цитату Дж. Кейнса: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя *методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем*. Поэтому после установления предварительных выводов путем последовательной изоляции одного за другим усложняющихся факторов мы теперь должны вернуться к нашей исходной позиции и учесть, насколько это возможно, вероятные взаимодействия всех этих факторов. *Именно такова природа экономического мышления*. Любой другой способ применения формальных принципов познания (без которых, однако, мы заблудились бы как в лесу) привел бы нас к ошибкам. *Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики* (курсив наш — П.Л.) в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов, и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы. ... Слишком большая доля современной «математической экономии» представляет собой по существу простую мешанину, столь же неточную, как и первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного

мира, замыкаясь в лабиринтах претенциозных и бесполезных символов» (Кейнс 1978, 372–373). В-третьих, *деньги имеют смысл* тогда, когда их *наделяют этим, каким-то (?) смыслом люди*, в последующем руководствуясь этими установками в своих больших и малых целях. Речь идет о более *сложной структуре человеческих ценностей, их приоритетов, мотивов и норм поведения, а также их институциональных рамках*, ограничений, механизма влияния на политико-экономические процессы. В-четвертых, работа финансово-банковских институтов, оказывая огромное влияние на спрос и предложение того, что выбрали и называют сегодня денежным материалом, норму процента, цены на товары, в конечном итоге уровень жизни, на наш взгляд, сегодня *в рамках существующей денежной парадигмы исчерпала свое позитивное влияние на воспроизводство в целом, на стратегическое развитие.*

Банк — *это переходный институт*, который в зависимости от естественноисторических условий, сложившейся системы хозяйственных отношений и формы политической власти может проводить как спекулятивную стратегию, разрушающую производственный сектор, так и осуществлять под общественным контролем и вместе с другими институциональными структурами управления мероприятия, направленные на генетическую связь с реальной экономикой и, что еще более важно, с действительно человеческими свойствами. По сути, нет и не делается до сих пор пока никаких обобщений по перестройке существующей системы, которая бы в рамках комплексной и сбалансированной экономической политики могла обеспечить объяснение, прогноз и сбалансированную реализацию интересов а) хозяйственной системы в целом, б) участников политического процесса, в) обширного сектора производства благ и услуг, г) банковской сферы, д) интересов вкладчиков. Этот противоречивый парадокс пока не разрешимых интересов наблюдается даже в том, что банковскую систему, например, Республики Беларусь, других стран догматично представляют как двухуровневую систему коммерческих банков и Национальных (Центральных) банков. Но ведь банковскую систему преимущественно, примерно более 5/6, составляют мотивированные индивидуальные вкладчики, фирмы, другие разного рода формальные и неформальные институции и организации, которые почему-то никак не входят в элемент формально классифицируемой системы. По крайней мере «узкие специалисты по деньгам» видят в денежно-финансовой системе стран лишь два уровня — национального банка и уровень коммерческих банков. Может, в том числе и поэтому огромная масса денег находится на руках населения, потому что для банка потенциальный и реальный вкладчик является всего лишь клиентом, а не партнером, хотя, предлагая банку свои деньги, он рискует даже не прической, как в парикмахерской. К тому же наши банкиры до сих пор иницируют внедрение устаревших стандартов мировой финансовой системы, которая сама, нарушив эти стандарты, породила очередной финансовый шок. Поэтому в том числе и здесь следует искать ответ на вопрос, а почему лишь 10,9% опрошенных предпочитают хранить деньги в банках, чтобы сохранить их реальную стоимость⁸.

Определение денег как института позволяет понять и *природу валютной ренты*, являющейся всего лишь следствием монополии банков на специфический актив, создаваемый не банками, а самим обществом, включая информационно-психологическое влияние последнего на индивида, его мораль, этику поведения. Новые нормы мотивации почти всегда *порождали* и свои приоритеты в отношении выбора того, что называют ликвидным материалом, классифицируемого известными агрегатами M1, M2, M3 и пр. Дж. Сорос в одной из своих работ отмечал: «...Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала обще-

⁸ См.: «Обозреватель» 17 декабря 2004. 7.

принятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей» (*Сорос 1999, 24, 101*).

Еще более важный гносеологический эффект проявляется в объяснении *природы процента*. Ведь практически все проблемы в теории неоклассиков объясняются через ставку процента, которая, по их мнению, есть не что иное, как цена, регулирующая спрос и предложение денег. Однако данная теория не пытается высказаться относительно природы процента: а что это за явление и что за ним скрывается. Частично высказался на сей счет Дж. Кейнс: «...Норма процента в любое время, будучи вознаграждением за расставание с ликвидностью, есть мера нежелания со стороны тех, кто владеет деньгами, расставаться с непосредственным контролем над ними. Норма процента — это не «цена», уравнивающая спрос на ресурсы для инвестиции и готовность воздержаться от текущего потребления. Это «цена», которая уравнивает настойчивое желание удерживать богатство в форме наличных денег с находящимся в обращении количеством денег. Предпочтение ликвидности выступает как тенденция» (*Кейнс 1978, 159*).

Новый смысл, зафиксированный в современных деньгах, позволяет *процент определить как плату за реальное или возможное институциональное неравновесие, но в угоду денежному равновесию*. Содержание последнего заключается в элементарной выгоде денежного капитала даже в *ущерб общественным выгодам*. Ситуация последнего дает возможность не только перераспределять часть национального богатства через движение, обмен ликвидных материалов, но и извлекать *институциональную ренту (определенный ее вид)*, имеющую проявления доступа к власти, определенным благам, возможностям влияния на изменение социальной структуры и пр. Таким образом, институциональный фокус к современным деньгам принципиально изменяет представление обо всей сложившейся мир-системе, о ее тенденциях, противоречиях и ограничениях развития. Одно я познал за свою долгую жизнь, говорил в свое время А. Эйнштейн, что вся наша наука наивна и проста по сравнению с реальностью. Представляется, что эта самая реальность приведет в чувство экономистов, а вместе с ними и всех так называемых гуманитариев, чтобы отказаться от многих мифов, догм, которые накопились к текущему периоду, но которые все же навязываются обучающемуся молодому поколению и общественности. И чего здесь больше лукавства или заблуждений — трудно понять... Точнее — не трудно уже понять, как почти невозможно убедить и экономистов, и людей, принимающих политико-экономические решения, менеджеров в необходимости пересмотра этих догм и мифов.

Ликвидность современной финансовой системы была сконструирована искусственно (!). Ее создание определялось, конечно, какими-то целями, но не благими для общественной системы в целом. При этом можно читать весьма спорные теоремы о саморегулирующихся, эффективных и оптимизирующих рыночных стратегиях, о коллективном поведении инвесторов. Иначе и проще говоря, речь идет о *стадном чувстве*, поскольку устойчивость рынка целиком зависела от коллективных действий и ожиданий финансовых игроков. И, в конце концов, оба столпа так называемого бума ликвидности оказались непрочными, что и определило начало 2008 г. Идея же оптимизации рисков с помощью финансового инжиниринга была порочной уже в своей основе. Ведь невозможно совсем изъять риск из финансовой системы, ибо тогда финансовая система не будет «работать». *Риск — это душа финансового рынка, его философия* и институциональное поле деятельности.

Формирование каких то ликвидных рынков с помощью финансовых практик также оказалось бутафорией: скопление покупателей и продавцов может некоторое время перетасовывать долги туда и сюда, но поскольку сами активы никогда

не были вполне ликвидными, все эти действия не будут иметь долгосрочного эффекта. К тому же уже не рынок дает информацию обо всех процессах, а специфическая структура, которую можно назвать *Отделом капиталистического Госплана*. Это так называемые рейтинговые агентства, которые разрабатывают крайне сомнительные методики и затем определяют различные параметры деятельности компаний и состояние рынка вообще. Следовательно, нет механизма саморегулирования финансового рынка, о котором говорят теоретики, а посредниками выступают рейтинговые агентства, которые стали ключевыми структурами в создании и поддержании этой иллюзии ликвидности.

Институциональная ценность как субстанция современной социально-экономической системы. Любая наука имеет свою первооснову, свой атом, ген, клетку, молекулу, закладывающую не только методологическую основу познания своего объекта, но и тем самым определяющую *начало* своего предмета. И то, что современная экономическая наука в рамках доминирующего мейнстрима «потеряла» эту структурирующую субстанцию, свидетельствует о серьезных ее внутренних проблемах, ее разрешающих когнитивных способностях, перспективах развития. Конечно, можно говорить о цене, о равновесной цене, о равновесии в целом. Но, во-первых, цена — это категория лишь обмена. Во-вторых, она отражает поверхностный срез экономических явлений. В ней фиксируются всего лишь изменения пропорции, например, одного барреля нефти и количества долларов США без указания признаков, «объясняющих?!» парадокс данного феномена современности. В-третьих, объяснение цены какого-то товара другими ценами других товаров, что, как правило, используется, также не может являться удовлетворительным из-за возникающей, в конечном счете, элементарной логики «порочного круга». В-четвертых, использование спроса и предложения при объяснении цены на любой товар ограничено из-за того, что в их точке равновесия вопрос о субстанции цены оставался и остается по-прежнему неразрешенным. И, наконец, последнее. Существует огромный водораздел между методологией цены неоклассики и прикладными разработками этой проблемы, практикой ценообразования, формами и методами регулирования цен (*Шерер и Росс 2003, 336–422*). Иначе говоря, «экономисты-теоретики» неоклассической парадигмы живут в рамках своих абстрактных, но корпоративных догм, практики-хозяйственники же работают благодаря *своему* здравому смыслу, восходящему к конкретному бизнесу, а политики пытаются в своих поступках руководствоваться мало кому известными «общенародными и государственными интересами».

Эволюция хозяйственной жизни⁹ проистекает под противоречивым давлением политико-экономических интересов, создающих «экономическую энергию» и силу. Нормы и правила (формальные и неформальные) в этом процессе выступают ориентиром, мерой, ограничителем поведения и взаимоотношений политико-экономических игроков. Например, норма рентабельности указывает на степень доходности вложения капитала, регулируя развитие отраслей и фирм¹⁰, взаимоотношения между потребителями. Последние, жертвуя своими доходами, признавая тем самым какой-то доминирующий общественный вкус, приоритет на какой-то товар или услугу, определяют

⁹ Эволюция не всегда ведет к развитию особенно социально-экономическому и нравственно-этическому, духовному. Могут быть или количественные изменения, или же изменения в направлении регресса. Например, за исключением известных регионов и стран, во всех странах «цивилизованного рынка» наблюдается старение наций и сокращение населения, падение норм нравственности, терроризм.

¹⁰ На определенном этапе экономического развития норма рентабельности тождественна тому, что называют «объективным экономическим законом». Смысл экономической объективности заключается в необходимости расширенного воспроизводства, в котором находится реализация интересов всех участников системы данного процесса: собственника ресурсов, управленцев, наемных работников, потребителей.

при этом и меру необходимых издержек. Но понятие издержек для просто экономиста и институционального экономиста несет разный смысл. Если просто экономиста интересуют оплачиваемые внешние издержки по производству товаров и услуг, а «хорошего» экономиста — издержки и внутренние, рассчитываемые по особым методикам, то институциональный экономист обязан, кроме всего прочего, обратиться к *издержкам/полезности функционирования всей институциональной системы*. Эти совокупные издержки/полезность отражают стоимость, а, следовательно, и *эффективность функционирования определенной модели хозяйствования*, которой институты задают стратегическую генерацию и вместе с тем ограничения развития. Их кратко можно выразить формулой:

$$TC = PC + TrC + TrCi,$$

где TC — совокупные издержки,

PC — производственные издержки,

TrC — транзакционные издержки по товарным операциям,

$TrCi$ — транзакционные институциональные издержки, опосредуют институциональные транзакции реформы. Они включают не только издержки по ликвидации старых институтов, но и необходимые затраты по строительству новой институциональной системы. Институциональные транзакции являются условием и результатом реформ. Если будет перерыв и дискретность между ликвидированными старыми и формирующимися новыми институтами, то образовавшийся вакуум создаст отрицательный эффект хаоса и неопределенности. Это тот случай, когда возникает некооперированное поведение из-за отсутствия некоей идеологии, признаваемой большинством и позволяющей одинаково понимать текущие и планировать с более четкой определенностью будущее поведение и возможные его сценарии. Это ситуация переходных периодов.

Здесь хотелось бы отметить в нарушение сложившихся традиций первичности спроса и предложения, что данные явления, а, следовательно, и категории, их отражающие, являются производными от институциональной среды, сложившихся социально-экономических отношений. Именно институты в определенной иерархии и субординации, задевая различные уровни интересов жителей страны, задают степень использования эффективности имеющихся ресурсов в стране. Вне институциональной среды категории «факторы производства» или «производственные возможности» не более как не до конца продуманные абстракции. Следовательно, институциональная среда не просто превращает технико-технологические возможности в действительность, но и выступает *исходным, базовым условием* определенной модели хозяйствования, создающей условия для дополнительного социально-экономического *эффекта*, называемого *институциональным доходом (Ri)*. По существу это рентный доход, поскольку он напрямую чаще всего никак не связан с капитальными или же трудовыми затратами. Например, концерт по полезности для одного или, скажем, для пятисот человек, будет иметь разную *ценность*, хотя затраты будут постоянны. Та же система Интернет создает дополнительный полезный эффект с подключением каждого дополнительного его участника. Здесь предельный полезный эффект стремится к максимуму при стремлении к минимуму предельных издержек. Такого не может быть при производстве и потреблении обычных товаров.

Она, институциональная рента, кроме *субъективированных ценностных оценок* содержит элемент (большой или меньший по величине) *добавленной, вмененной стоимости*, создаваемой в стране. Таким образом, *институциональная ценность* вменяется обществу и индивидам в отдельности и ее связь с затратами имеет косвенный характер. Институциональная ценность (Vi) равна: $(Vi) = PC + TrC + TrCi + Ri$. Она

распадается на эти элементы, потому что она фиксирует *качественную целостность общества* или отдельного сообщества, группы. В конечном счете, именно данная норма, а это есть *общественная норма* поведения *всех участников* хозяйственной деятельности и в первую очередь четко выкристаллизованных, сложившихся элементов социально-классовой структуры, определяет допустимые пределы производственных (PC) и транзакционных издержек (TrC). Это же относится и к размеру распределяемых рентных доходов. В меньшей степени люди на рациональном уровне далеко не одинаково понимают суть институциональных изменений (TrC) и всех выгод (Ri), получаемых от этих изменений. Лозунг «движение — все, конечная цель — ничто» часто лежит в основе инициатив или мотивов участия в реформах. Но это для масс, для электората. Элита же, иницирующая реформы, почти всегда понимает, к чему она стремится. Ее целью является в какой-либо форме *институциональная рента*, которая выступает следствием разрушения старой системы норм и правил и построения таких новых «порядков», которые в той или иной степени обеспечат интерес не только реформаторов «первой волны», но и последующих ее участников. Обращение к истории любых системных преобразований без труда убедят скептиков в таком подходе.

Стоимость и институциональная ценность взаимосвязаны между собой. Институциональная ценность указывает на развитие социально-экономических процессов, динамику происходящих изменений. Но стоимость отражает меру физической жизнедеятельности человека или фирмы, производящей услуги. Однако по мере решения этих злободневных проблем диапазон витальных потребностей человека расширяется и углубляется. Возрастает значимость институционально-социально-психологических потребностей, которые значительно расширяют рыночный обмен, виртуально увеличивают богатства и ВВП. Естественно, начинает расти и объем ВВП за счет *процесса и* специфической экономики¹¹, увеличивающего субъективированную величину данного показателя. Статистика подтверждает структурные и валовые изменения. Поэтому институциональная ценность характеризует в некоторой степени меру качества жизнедеятельности человека, уход последнего в психологические переживания и эмоции.

Однако институциональные изменения сопровождаются не только транзакционными издержками, которые к тому же неодинаково распределяются между экономическими и политическими акторами. Как показывает современная практика, участники реформ, иницирующих данный процесс, как правило, извлекают *институциональную ренту*, имеющую политическую, экономическую, историческую или социальную формы. Итак, институциональная ценность — это в высшей мере субъективированные оценки потребляемой произведенной услуги, полезные качества которой формируются или в процессе коллективного пользования или же вследствие первоначально высокого общественного признания. В последующем эта высокая мера оценки, например, какой-то информации или услуги распространяется за счет потребления их другими индивидов. Когда два индивида обмениваются, например, двумя яблоками, то яблок от этого больше не становится и в целом и у каждого в отдельности. Но когда тот же концерт смотрит не сто, а пятьсот человек, то общественная польза от этого возрастает. Так же происходит, если два индивида обмениваются, например, анекдотами, то, по крайней мере, каждый станет «богаче» на один анекдот. Конечно, эти примеры лишь в некоторой степени подчеркивают отличие «экономики материального производства» от «новой» «информационной экономики», которая нуждается в новом теоретическом разрешении. Сфера социально- и политико-экономической психологии только сейчас

¹¹ Современную экономику поэтому иногда называют процессной экономикой.

начинает приобретать определенное осмысление и значение. Об этом свидетельствует хотя бы факт присвоения Д. Каннеману и В. Смиту нобелевской премии за 2003 г. Это не значит, что ранее никто не занимался данной проблемой. Ситуация здесь несколько банальнее. «Добытые» знания об «информационной экономике» не всегда есть смысл распространять широко за пределы определенного круга лиц. Ведь определенный прогноз и где-то даже и подталкивание к определенному массовому поведению дает возможность извлекать через финансовые спекуляции и «игры» финансовые рентные доходы.

Параметры институциональной ценности вначале задает наука в целом и экономическая в частности. Последняя, например, своими теориями и «теориями» определяет рамки и содержание экономического мышления, а, следовательно, и поведения. Она может очередной моделью создать очередную финансовую пирамиду, спровоцировав «научными прогнозами» о росте рисков кризис. А в кризисе, как известно, одни проигрывают, и их большинство, а другие выигрывают. И их меньшинство. Сегодня так «работает» финансовая экономика. Именно последняя привносит доминирующую характеристику современной экономики. И от этого она, к сожалению, не становится «лучше» — устойчивой, производительной, благоприятно воздействующей на человека, который ее создал. Но, как говорится, на каждого мудреца ... Однако заметим, что финансовая сфера является лишь одной частью того, что относится к «информационной экономике», опирающейся на управляемую институциональную ценность. Но это область психологии и других наук, куда экономисты стараются по ряду причин не «влезать».

Еще раз отметим, что было две попытки построить единые теоретические системы: из категории *стоимости*, из категории *ценность*. За такими устремлениями была инициатива построения теоретической целостности и обеспокоенность за расчлененность знания, которое заложило основу для искажения общей сложной картины социально- и политико-экономического мира. Наука, — отмечал в свое время М. Планк, — представляет собой внутреннее единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не только природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу. Переходные этапы, которые, кстати сказать, преобладают в эволюции экономики и общества, оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения адекватности восприятия происходящих в них процессов и формирования правильной экономической политики. И нынешняя системная реформа, охватившая не только *все стороны* социально-экономической жизни известных транзитивных государств, но и практически все государства мира, является тому ярким подтверждением. А от понимания природы денег, их роли и значения не только в экономике, но в жизни человека, общества целом зависит, по сути, и понимание всех происходящих социально-экономических процессов. Нельзя управление деньгами отдавать на откуп лишь банкирам, которые сегодня превзошли даже ростовщиков по своему устремлению к извлечению денежной ренты. М. Алле, например, для изменения этой ситуации и разрешения формируемой банками положения постоянной кризисности предлагает создать депозитные банки, кредитные и деловые банки. Речь идет о том, чтобы развести в Аристотелевском смысле экономику как хозяйство и хрематистику. Думается, все же равновесие действительное и в умах наступит. Но через Большой Кризис... Очередной и потрясающий, но осмысленный в обыденном и теоретическом сознании. Ведь время — не деньги, а жизнь. Деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит. Т. Веблен о противоречии производственных

и денежных сфер заметил следующее: «Денежная деловитость в целом не совместима с производственной эффективностью» (Веблен 1984). И современная практика, к сожалению, подтверждает высказанное сто лет назад утверждение известного мудреца, о чем свидетельствуют не только показатели *эффективности воспроизводства, но и его структура, напряженность производственных отношений*. Но все-таки для этого необходимо снова ввести в научный оборот эти категории, потому что нет ничего практичнее хорошей теории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аглиета М. и Орлеан А. (2006). Деньги между насилием и доверием. М.
- Бродель Ф. (1986). Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.
- Кейнс Дж. (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.
- Кейнс Д.М. (1993). Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М.
- Кругман П. (2004). Великая ложь. М.
- Липов В.В. (2008). Деньги как институт в институциональной структуре общества // Научные труды Донецкого технического университета. Серия: Экономическая. Донецк. Вып. 34–1.
- Лиэтар Б.А. (2007). Будущее денег. М.
- Макконнелл К. и Брю С. (1992). Экономикс. М. Т. 1.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
- Маслоу А. (1999). Новые рубежи человеческой природы. М.
- Мэнкью Н.Г. (1999). Принципы экономики. СПб.
- Самуэльсон П. (1964). Экономика. М.
- Сорос Дж. (1999). Кризис мирового капитализма. М.
- Сорос Дж. (2000). Новая глобальная финансовая архитектура // Вопросы экономики. № 12.
- Хайек Ф.А. (1992). Пагубная самонадеянность. М.
- Чибриков Г.Г. (1999). Взаимодействие финансовой системы и реального производства в современном мире // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. № 6.
- Шерер Ф.М. и Росс Д. (1997). Структура отраслевых рынков. М.
- Thurow, L. (1996). The Future of Capitalism. N.Y.